

АНГЛО - РУССКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ HIGH-LEIGH

(Съ 25-го по 30-е Апрѣля 1930 г.).

Англо-русскимъ конференціямъ, собиравшимся эти послѣдніе годы, ставилось большое заданіе: сблизить «въ Духъ и Истинѣ» Англиканскую Церковь съ Церковью Православной, продолжить многовѣковое дѣло соединенія церквей, быть отдѣльными моментами осуществленія большой исторической идеи.

Вопросъ о соединеніи церквей былъ поставленъ вновь, въ новой катастрофической обстановкѣ современной исторіи, въ новую эпоху церковнаго строительства — въ эпоху отдѣленія государства отъ Церкви, гоненій на Церковь, злобы богопротивной и, въ то же время, въ эпоху крушенія многихъ преградъ, воздвигавшихся человѣческимъ неразуміемъ единого на потребу.

Дѣломъ конференцій были не доктринальные споры, не нахожденіе какого-либо компромисса въ порядкѣ взаимныхъ уступокъ, но достиженія единства черезъ взаимное пониманіе и осознаніе единства въ Духъ, дары котораго различны: то есть положительное церковное строительство, совершаемое въ духъ любви.

Выполнить это дѣло можно было лишь при двухъ условіяхъ: во первыхъ, при условіи существованія внутренняго единства Англо-Католичества съ Православіемъ, какъ единой Церкви, и, во вторыхъ, при способности участниковъ конференцій это единство осознать.

Можно утверждать, что основная цѣль конференцій была достигнута: церковное единство было осознано; но этимъ еще не исчерпалось все ихъ заданіе, какъ вообще не можетъ, до окончанія вѣка, исчерпаться дѣло церковнаго строительства.

Темой послѣдняго съѣзда въ High-Leigh была святость, т.-е. сама цѣль человѣческой жизни въ опытѣ христіанскаго сознанія. Отвѣтить на поставленный вопросъ: что такое святость, значило исповѣдать всю свою вѣру, значило раскрыть весь свой духовный опытъ въ любви къ ближнему, такъ, чтобы тотъ понялъ.

Чтобы осуществить свое большое задание, жизнь конференціи должна была быть напряженной, духовно насыщенной; отъ участниковъ требовался подвигъ исканія Истины единой на потребу, соборное дѣланіе, преодоленіе въ духѣ церковности видимости раздѣленія и осознаніе того, что въ домѣ Отца обителей много, что христіанскій подвигъ многообразенъ и что «дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же» (I Кор. XII. 6): потому тема конференціи была выбрана весьма удачно.

Личный составъ съѣзда былъ довольно однородный. Съ русской стороны было нѣсколько профессоровъ и студентовъ Духовной Академіи и люди, имѣющіе отношеніе къ христіанскому движенію; со стороны англичанъ — представители high church Англо-Католичества, около половины — духовенство во главѣ съ епископомъ Трурскимъ, остальные — студенты спеціальныхъ колледжей, въ большинствѣ — получившіе образование въ Оксфордѣ или въ Кэмбриджѣ.

Съѣздъ происходилъ въ High Leigh, усадьбѣ, неподалеку отъ Лондона, съ большимъ домомъ стіля новой англійской готики, обвитымъ плющемъ, окруженнымъ парками, за которыми разстилались зеленѣющіе луга и роци, съ кое-гдѣ разбросанными фермами, въ мѣстѣ уютномъ, куда не доносился шумъ городской суеты. Время было распредѣлено по часамъ. День начинался въ 7 ч. утра, съ богослуженія, поочередно православнаго и англокатолическаго, объединявшаго въ молитвѣ всѣхъ участниковъ съѣзда. Утромъ читались два доклада — по одному съ каждой стороны. Среди дня былъ большой перерывъ для отдыха, посвящавшійся прогулкамъ, играмъ и частнымъ разговорамъ. Затѣмъ происходили собранія группами, человекъ отъ семи до десяти; на этихъ то собраніяхъ обѣ стороны обмѣнивались мнѣніями по поводу докладовъ, здѣсь рѣшались основныя проблемы. Вечеромъ опять было богослуженіе, завершавшее день.

Весьма интересной была и, такъ сказать, неофициальная сторона конференціи — на примѣръ, поѣздка въ Кэмбриджъ для осмотра его древнихъ колледжей, богатыхъ традиціями и воспоминаніями, давшая возможность лучше ощутить чудный міръ иной великой культуры; на примѣръ — импровизированные концерты участниковъ съѣзда, вносившіе добродушную веселость, столь свойственную англійскому характеру: все это помогало лучше понимать другъ друга. Огромное значеніе въ жизни конференціи имѣло личное общеніе участниковъ съѣзда другъ съ другомъ въ частныхъ разговорахъ — не только потому, что разговоры эти велись по существу и тѣмъ способствовали разрѣшенію основныхъ проблемъ въ порядкѣ діалектическомъ, но и потому, что ими, къ тому же, создавались тѣ дружественныя

отношенія, котсырыя завершались въ богомыслии и молитвѣ.

Читавшіеся по утрамъ доклады ставили большинство тѣхъ вопросовъ, которые подвергались дальнѣйшему обсужденію. Съ самаго начала въ связи съ ученіемъ о святости возникъ вопросъ о Церкви. Онъ былъ намѣченъ уже въ первомъ докладѣ, читанномъ С. С. Безобразовымъ объ ученіи о святости у Ап. Павла, въ которомъ докладчикъ доказывалъ, что терминъ «святые» примѣняется къ членамъ Церкви, какъ таковымъ, т.-е. осуществляющимъ ея благодатные дары.

Православное ученіе о Церкви и, въ связи съ нимъ, вопросъ о соединеніи Церквей, были изложены въ докладѣ о. Сергія Булгакова, озаглавленномъ «Церковь святая — соборная».

По словамъ о. Сергія «въ святости выражается самое существо Церкви... Церковь свята, потому что Богъ святъ, и она есть наша жизнь въ Богѣ и жизнь Бога въ насъ». Святость Божія — свойство Божіе, въ которомъ содержатся всѣ другія Его свойства. Церковь — святая человѣчность Христа, она же — домъ св. Духа и обитель Отца, открывающагося въ Сынѣ Духомъ Святымъ. Она есть и совершающееся обоженіе человѣчества, плодъ котораго есть святость.

Соборность есть явленіе святости, единство въ Св. Духѣ, свидѣтельствующемъ о Сынѣ (Іоанн ХУ. 26) единство жизни во Христѣ. Потому Церковь есть высшая реальность, обуславливающая историческій человѣческій обликъ Церкви. Церковь есть и сокровищница, въ которой хранится священное преданіе, раскрытое въ соборномъ сознаніи дѣйствіемъ Св. Духа. Въ ней нѣтъ какого-либо догматизирующаго органа; ни іерархія, ни соборы не являются имъ — Церковь, прежде всего, жизнь, а не доктринальное учрежденіе и образъ бытія церковнаго устанавливается живой соборностью — Святымъ Духомъ, живущимъ въ Церкви, который, слѣдовательно, ея единственный критерій.

Отношеніе англокатоликовъ къ ученію о Церкви, выраженному въ 39 членахъ, сближаетъ ихъ съ православнымъ пониманіемъ природы Церкви, отличающимся отъ католическаго съ его догматомъ о папской непогрѣшимости. Православіе не исчерпывается 7 вселенскими соборами, т.-к. Церковь содержитъ свое ученіе не только въ догматическихъ опредѣленіяхъ, но и непосредственно, какъ благодатную жизнь молитвы, богомыслія, и боговѣдѣнія; Церковь, какъ живая сущность, возможна и безъ конституціонной хартіи.

Церковь знаетъ догматы, не заключенные въ формулы — догматы жизни, и тѣ или иные догматы могутъ быть болѣе или менѣе развиты церковнымъ сознаніемъ. Цѣлый рядъ вѣрованій Церкви содержится ею черезъ молитвенную жизнь, въ непосредственности апостольскаго преданія, не будучи авторитетно

догматизированы, такъ, на примѣръ, о почитаніи святыхъ, о загробномъ мірѣ и молитвѣ за умершихъ, и др. «Религіозная истина имѣетъ, прежде всего, практической характеръ и религія начинается не съ богословія, но съ богожитія, хотя и необходимо соединяется съ богословіемъ, пропѣдью, ученіемъ». Не провозглашеніе догмата на соборѣ имѣетъ рѣшающее значеніе, а согласное жизненное пріятіе Церковью того или иного ученія; и не власть имѣетъ значеніе, а авторитетъ, присущій святости; высшій авторитетъ въ Церкви присущъ святости.

Путь сближенія церковнаго требуетъ жизненнаго постиженія, пріобщенія къ соборности церковной, взысканіе святости, которая есть церковность.

Церковь ищетъ своего историческаго единства въ единствѣ во Христѣ и во Св. Духѣ; въ жизни церковной есть не только божественная, но и человѣческая сторона и какъ дары Св. Духа различны, такъ различны и дары человѣческіе у опредѣленныхъ людей и народовъ; священное преданіе выражаетъ жизнь Церкви въ ея историческомъ многообразіи, въ ея божественной заданности и человѣческомъ творествѣ, которое никогда не оскудѣваетъ.

Весь христіанскій міръ представляется, какъ единая Церковь, т. к. одинъ Христосъ и одинъ путь во Св. Духѣ — но въ ней разныя степени полноты; постольку, поскольку разныя церковныя общества сохраняютъ единое достояніе христіанскаго міра, они принадлежатъ къ Православію. Православіе обладаетъ полнотой и чистотой церковной жизни, поэтому соединеніе церквей можетъ быть лишь восхожденіемъ въ Православіе. Нужно вѣрить и знать, что единство христіанъ уже существуетъ и что это единство есть единство церковное. «Ранѣе того желаннаго часа, когда мы снова соединимся въ общемъ таинствѣ, у единой чаши, мы уже соединимся въ таинствѣ молитвы, которая творится Духомъ Святымъ».

Тема конференціи — вопросъ о святости — имѣетъ прямое практическое значеніе для соединенія церквей, такъ какъ путь единенія — во внутреннемъ устремленіи Духа; въ немъ будетъ найдена и форма единенія.

Слѣдующій докладъ Г. Ф. Флоровскаго былъ озаглавленъ: «О почести горняго призванія». Онъ былъ о трудномъ пути осуществленія человѣкомъ заповѣди совершенства (Мф. У. 48), о «скорбномъ пути къ славѣ» въ единствѣ со Христомъ, «последнимъ Адамомъ» (I Кор. XV. 45) исполнившимъ человѣческую природу Своей побѣдой надъ смертью.

Христосъ черезъ смерть и воскресеніе Свое, пріобщилъ человѣка къ Своей славѣ, въ которой — смыслъ человѣческаго существованія и цѣль творенія. Въ соединеніи человѣка со Хри-

стомъ возстанавливается «падшій образъ» человѣка, онъ становится «причастникомъ Божества», ему открывается подлинная жизнь — совершается его спасеніе.

Человѣкъ соединяется со Спасителемъ въ дарахъ Духа, который — Святой и животворящій; спасеніе осуществляется въ Церкви, организмъ богочеловѣческой жизни; вся жизнь Церкви есть явленіе Духа Святого, дышащаго въ таинствахъ, дарующаго и вѣру, и молитву, и любовь.

Первый моментъ святости — харизматическій; второй, сочетающійся съ первымъ — аскетическій; это подвигъ человѣческой любви къ Богу, свободное пріятіе человѣкомъ благодати; путь непрерывнаго восхожденія въ забвеніи о себѣ («да будетъ воля Твоя») — осуществленіе человѣкомъ своего подлиннаго лика — праведность, причастіе къ Правдѣ.

Харизматическій моментъ — первый, аскетическій же — служебный: въ святыхъ чтится не только героизмъ, но, прежде всего, явленіе Духа; «не силою подвига, но силою благодати освящается душа и весь составъ человѣка». Основное въ праведной жизни — неустанная молитвенность; молитва — таинственное общеніе съ Богомъ (Рим. VIII 26), общеніе въ любви: мѣра молитвы — крестная молитва Спасителя за распинающихся; эту молитву мы чтили въ святыхъ — молитвенникахъ — какъ свидѣтельство ихъ любви.

Любовь къ Богу раскрывается въ любви къ ближнему; потому христіанство — великое братство, единство въ Духѣ, Церковь. Духъ вѣдетъ въ подвигъ любви — и въ молитвѣ и въ милосердіи — другомъ великомъ дѣлѣ любви и причастія Христу (Мф. XXV 35-40).

«Въ святыхъ мы чтимъ *изобразившаго Христа* (срв. Гал. IV IV 19); *исполненіе Церкви, исполненіе Христова* (срв. Еф. I 23) — Царствіе Божіе, приходящее въ силѣ...» Мы чтимъ въ нихъ друзей Христовыхъ и «обоженіе» человѣческаго естества.

На подвигъ святости намъ данъ залогъ Духа (2 Кор. V 5); къ каждому обращено призваніе къ вѣчной жизни (I Тим. VI 12), призваніе въ Божіе Царство и славу (I Сол. I 12), къ жизни во Христѣ». «У cadaго свой путь, но всѣ пути къ единой цѣли — къ жизни въ Богѣ»; въ ней смыслъ человѣческаго существованія.

Г. П. Федотовъ въ своемъ докладѣ «Типологія святости» говорилъ объ историческихъ типахъ святыхъ, въ частности — русскихъ. Докладъ этотъ былъ построенъ на словахъ I Кор. XV 41-42: «ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ. Звѣзда же отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ», утверждающихъ неравенство славы и совершенства святыхъ по отношенію

къ совершенству Бога и, кромѣ того, разнокачественность святости въ многообразіи христіанскаго подвига.

Благодать не убиваетъ человѣческую природу, а преображаетъ ее; святые имѣютъ свои освященныя лица, свои типы; различіе духовныхъ типовъ связано не только съ различіемъ поставленныхъ цѣлей и путей, но и съ различіемъ дарованій природныхъ.

Церковь знаетъ множественность «чиновъ» святыхъ, опредѣленныхъ формъ церковнаго служенія; но типы святости не исчерпываются классификаціей на чины, типы и чины перекрещиваются между собою, — внутри каждаго чина открывается множество типовъ и одинъ и тотъ же типъ святости можетъ выражаться въ различныхъ чинахъ.

Долгое время мученичество было единственной формой святости; вслѣдъ за мучениками идутъ аскеты — явленіе иного духовнаго опыта, послѣдователи Христа — не въ смерти Его, а въ иномъ осуществленіи евангельскаго идеала совершенства. Какъ различны типы мучениковъ, такъ и многолика монашеская святость, если взглянуть въ нее изнутри; сложность ея усматривается въ аскетическихъ трактатахъ, собранныхъ въ Добротолубіи. Въ монашеской аскезѣ два основныхъ момента: отрицательный — борьба со страстями, и положительный — воспитаніе добродѣтели; отрицательный моментъ, въ свою очередь, преломляется въ рядъ формъ: кафартики — очищенія ради созерцанія Бога («чистиіи сердцемъ Бога узрять») и въ этомъ кафартика связана съ мистикой, своей вершиной; затѣмъ — метаноики, очищеніе подъ знакомъ покаянія, «печали по Бозѣ»; наконецъ, въ полемической формѣ — напряженной борьбы съ искушеніями.

Эти формы иногда характеризуютъ цѣлыя національныя или историческія вѣтви святости, такъ , кафартической типъ особенно свойствененъ Египту, метаноической — Сиріи, полемической — клонізму, но отчасти и Египту, а положительный, агонистическій — раннему латинскому монашеству. Монашеская школа Палестины — эклектическая съ преобладаніемъ кафартика, — черезъ посредство Византіи, оказала могущественное вліяніе на древнюю Русь.

Если въ какой то мѣрѣ всѣ святые причастны Боговѣдѣнію, то типъ святого-мистика, для котораго созерцаніе опредѣляетъ весь строй его жизни, является особымъ типомъ, принадлежащимъ особой традиціи; онъ встрѣчается на Востокѣ гораздо рѣже, чѣмъ на Западѣ. Востокъ не любитъ говорить о своемъ мистическомъ опытѣ и дѣлаетъ большее удареніе на аскезѣ, отрицательно относится къ эмоциональной, «душевной» стихіи — говорить о мистической жизни въ терминахъ познанія,

«гнозиса», а не «эроса», — о «стяжаніи Святого Духа» чаще, чѣмъ о соединеніи со Христомъ.

Въ аскетическомъ дѣланіи любовь является высшей, послѣдней добродѣтелью, но многіе аскеты обладали любовью — какъ высшимъ стяжаніемъ подвижничества, или какъ благодатнымъ даромъ. По признаку любви можно построить новую типологію святыхъ; извѣстны святые суровые и благостные. Кромѣ того, проявленіе любви къ ближнему можетъ принимать инныя, практическія формы. Русскимъ подвижникамъ свойственна любовь личная и соціальное благотвореніе; характерно, что около четверти русскихъ святыхъ — міряне; изъ нихъ половина принадлежитъ къ чину святыхъ князей, четверть — къ юродивымъ; это крайнія формы мірянскаго подвига — профессиональное служеніе міру и радикальное его отверженіе.

Юродивый — суровый аскетъ, который принялъ на себя маску глупости, для радикальнаго поправанія самолюбія; его безуміе — источникъ страданій и гоненій; онъ соблазнителенъ для міра и, въ то же время, онъ служитъ міру, обличая неправду ожесточенныхъ сердець, напоминая о забытой христовой правдѣ.

Въ князьяхъ Церковь канонизировала не героев національной исторіи (хотя нѣкоторые изъ нихъ и были героями), а подвижниковъ любви въ общественномъ и политическомъ служеніи; имена святыхъ князей возглавляютъ сонмъ безымянныхъ праведниковъ, просіявшихъ въ міру. Среди мірянъ встрѣчается чинъ «страстотерпцевъ» — невинныхъ страдальцевъ за правду: русская церковь не выдѣляетъ своихъ мучениковъ на вѣру — по ея ученію, невинно и вольно проливаемая кровь всегда проливается за Христа, всегда искупительна.

Слѣдуетъ отмѣтить, что среди русскихъ святыхъ отсутствуютъ два типа, характерные для католической святости послѣднихъ столѣтій — священники (кромѣ юродивыхъ) и міряне, ведущіе духовную жизнь въ міру — и это еще разъ обнаруживаетъ подвижность и незаключенность явленій святости въ исторической жизни народовъ.

Всѣ многообразные подвиги святыхъ въ одномъ тождественны — въ послѣдованіи Христу. «Единый бѣлый лучъ совершенства Христова распался на радугу многоцвѣтныхъ добродѣтелей, каждая изъ которыхъ опредѣляетъ особый типъ духовной жизни».

Наконецъ, въ послѣднемъ докладѣ, «О пути спасенія», о. Сергій Четвериковъ охарактеризовалъ существенные моменты интимнаго, внутренняго облика христіанской жизни, условія духовнаго возрастанія человѣка въ единеніи со Христомъ.

Каждому человѣку дана возможность быть совершеннымъ,

какъ совершененъ Отець Небесный (Мф. V 48) и потому всѣ, въ томъ числѣ и язычники, могутъ спастись (Рим. II 15, Д. А. X 35). Но путь спасенія во всей глубинѣ и полнотѣ осуществляется только въ Церкви, которая одна даетъ совершенное познаніе Христа.

Можно идти путемъ спасенія и не сознавая этого: существенно единство со Христомъ, жизненная, а не формальная принадлежность къ Церкви (Мф. VIII 21; Мф. VII 11).

Нѣкоторые идутъ по пути спасенія съ ранняго дѣтства; у большинства же людей вступленіе на этотъ путь знаменуетъ внутреннее перерожденіе: послѣ періода тьмы и тоски человѣку открывается радость познанія Бога. Но будучи путемъ радости путь спасенія вмѣстѣ съ тѣмъ и путь тѣсноты и страданія (Мф. VII 13, 14, Мф. XVI 24). Трудность пути не только отъ внѣшнихъ причинъ, но, главнымъ образомъ, отъ внутреннихъ — отъ духовной природы человѣка, отъ «власти міра» надъ нимъ. Человѣкъ долженъ освободиться отъ рабства міру. (Мф. VI 24, Лк. XIV 26), т.-е. совершить аскетическій подвигъ; подвигъ этотъ — не бессмысленное самоистязаніе, а самоотверженный подвигъ любви къ Богу и слѣдованіе жертвенному служенію Христа (Іоан. XII 26); не ненависть къ міру, который *во злѣ лежитъ*, но который прекрасное твореніе Божіе, не ненависть къ тѣлу во имя духа, а жертва всѣмъ Богу. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ отрицанія самодовлѣющей цѣнности благъ міра является подвигъ юродства — безуміе Христа ради. Аскетизмъ есть порывъ безграничной любви къ Господу, влекущій къ трудамъ и жертвамъ.

Второй и важнѣйшій моментъ пути спасенія — дѣятельное состраданіе и служеніе людямъ; и здѣсь опять требуется трудъ и жертва.

Человѣкъ, который вступаетъ на путь спасенія послѣ періода отчужденія отъ Бога, — начинаетъ съ покаянія — смиренно сознаетъ свою неправоту, жаждетъ примиренія и начала новой жизни во имя Божіе. За покаяніемъ слѣдуетъ трудничество Христу, преодоленіе въ себѣ власти міра — совершается постепенное очищеніе человѣка благодатью Св. Духа; святость есть постепенно достигнутое сочетаніе человѣческаго духа съ Духомъ Божіимъ; святые — носители чрезвычайныхъ даровъ Св. Духа и въ нихъ явлена слава Божія.

Путь спасенія есть путь индивидуальный — личнаго завѣта человѣка съ Богомъ, но совершается онъ въ Церкви, единомъ тѣлѣ Христовомъ, хранительницѣ благодати. «Храмъ есть наглядное небо, гдѣ объединяются у престола Божія и живые и умершіе, и люди и ангелы, гдѣ уничтожается граница между землею и небомъ».

Далѣе, говоря объ осуществленіи христіанскаго дѣланія въ міру, о. Сергій описываетъ христіанскую семью — малую домашнюю церковь (Филим. I. I), неразрывно связанную съ Церковью вселенской, и церковный приходъ — христіанское общество, объединенное молитвой подъ сѣнью родного храма.

Кончая свой докладъ, о. Сергій повторяетъ, что путь спасенія есть покаянное обращеніе къ Богу и принятіе на себя Креста во имя Христово.

Основныя темы докладовъ англо-католиковъ были о мистическомъ обликѣ святости, какъ единства со Христомъ-Спасителемъ; о многообразіи даровъ Св. Духа въ единствѣ Церкви и оправданность различныхъ путей, совершаемыхъ въ Богѣ, различныхъ типовъ святости; о типахъ англиканскихъ святыхъ и, въ частности, о дѣятеляхъ церковнаго возрожденія англокатоличества XIX-го вѣка, Ньюманъ и Пюзи.

Не желая умалить значительность англійскихъ докладовъ, можно сказать, что они были прекрасными дополненіями русскихъ докладовъ, — что и явствуетъ изъ краткаго перечня ихъ темъ. Въ нихъ выявилось духовное родство англо-католичества съ православіемъ, залогъ единства Церковнаго; въ то же время, они открыли представителямъ Православія особенности духовнаго опыта Англиканской церкви, на которыя Православіе должно было дать отвѣтъ.

Жизнь конференціи росла на фонѣ докладовъ, которые давали матеріаль для обсужденія въ группахъ и въ частныхъ разговорахъ. Въ этомъ матеріалѣ — обильномъ, рождавшемъ многіе насущные вопросы, нужно было разобраться по существу, не страшась обнаруживать раздѣляющія точки зрѣнія: только въ добросовѣстности и искренности могло быть достигнуто подлинное взаимное пониманіе.

Вначалѣ во всей остротѣ стоялъ вопросъ: возможно ли воссоединеніе Англиканства съ Православіемъ, нѣтъ ли какихъ либо непреодолимыхъ препятствій на его пути? Нужно было рѣшить, существенно ли различіе двухъ церквей.

Англиканъ многое смущало въ Православіи и требовало объясненія: православное почитаніе иконы и мощей, почитаніе Богородицы и Святыхъ; нѣкоторые типы православныхъ святыхъ, на примѣръ, юродивые, были непонятны имъ; кромѣ того, они склонны были заподозрить православныхъ въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ разсудочному богословствованію въ ущербъ дѣятельному выявленію христіанства въ мірѣ: хотя за послѣдніе сто лѣтъ Англиканство — въ англо-католичествѣ — подошло къ церковному сознанію, все же протестантскій духъ, нѣкогда господствовавшій, не былъ окончательно преодолень. Преодолѣть его можно было только въ свѣтѣ Православнаго ученія

о Церкви, объяснивъ въ немъ несовершенство протестантскаго пониманія личности.

Нужно было объяснить Англиканамъ, что церковное строительство — не только стремленіе устроить человѣческую жизнь на началахъ христіанской морали: что дѣятельная любовь къ ближнему, какъ таинственное причастіе Христу, вознесшему человѣческое естество на небо, есть стяжаніе *новаго Неба* и *новой Земли*, міра преображеннаго; что святость Пресв. Богородицы, святыхъ, иконъ и мощей — святость Церковная, таинственная, и въ ней почитается явленіе Духа Божія. Нужно было дать осознать съ особой силой Богочеловѣческой обликъ Церкви, какъ инобытія.

Основнымъ вопросомъ, возникшимъ послѣ доклада о. Сергія Булгакова, былъ вопросъ о соборности въ связи съ ученіемъ о Св. Духѣ, — въ немъ рѣшалась проблема церковнаго единства «въ Духѣ и Истинѣ».

Стало яснымъ, что только въ причастіи къ Истинѣ, которая одна освобождаетъ, преодолеваются человѣческія преграды. Православная идея Вселенской Церкви, какъ единства соборнаго, а не формальнаго, оправдывала многообразіе путей человѣческаго спасенія, совершаемаго во Христѣ, и, въ то же время, звала къ подвигу.

Дѣломъ конференціи было осознаніе достижимости воссоединенія Англо-Католичества съ Православіемъ, такъ какъ «Духъ одинъ и тотъ же» (I Кор. XII 6), и обрѣтеніе вѣры, что въ осуществленіи даровъ Его, въ неустанномъ строительствѣ церковномъ, воссоединеніе будетъ достигнуто. —

Передъ окончаніемъ конференціи пріѣхалъ Архіепископъ Кентерберійскій и сказалъ привѣтственное слово, на которомъ слѣдуетъ остановиться, не только потому, что оно исходило отъ примата Англиканской церкви, но и потому, также, что оно было весьма интереснымъ выраженіемъ идеи церковнаго единства.

Сперва Архіепископъ отмѣтилъ любовныя отношенія двухъ церквей, основанныя на общности вѣроученія, и моментъ, ихъ внутренне связующій: «мы равно убѣждены, что мы пребываемъ вмѣстѣ въ осознаніи единства Тѣла Христова, — конечно болѣе глубоко и прекрасномъ, чѣмъ то, которое присуше великой Римско-Католической Церкви», сказалъ онъ.

Далѣе онъ указалъ на сходство историческихъ путей двухъ церквей, раздѣленныхъ на многія вѣтви, внѣшне независимыя, не объединенныя организаціонными узами, отвѣчающія на стремленія разныхъ расъ и народовъ, но, въ то же время, внутренне связанныя общей традиціей, единствомъ духовнымъ. Духъ

единства — свободного, внутреннего, присущей Православной и Англиканской Церквамъ, роднить ихъ между собой.

Вселенскій Патріархъ, въ своемъ недавнемъ посланіи Архіепископу, писалъ именно о братскихъ, а не о дружественныхъ только, отношеніяхъ церквей, т.-е. объ отношеніяхъ членовъ одной семьи, единого Тѣла Христова, участниковъ въ любви благодати Божіей, данной Его Святой Церкви.

Общаясь въ дарахъ благодати, православные и англикане могутъ многому учиться другъ у друга. Православные стоятъ въ вѣрѣ, внутреннему смыслу служенія Богу, сознанію духовной реальности символовъ а также и непосредственности общенія съ Богомъ и памяти смертной; особенно же понимаютъ Церкви, какъ взаимнаго проникновенія міра видимаго и невидимаго, этимъ освобождая англиканъ отъ обычнаго для Запада пониманія Церкви.

Въ свою очередь, Англикане могутъ учить православныхъ отвѣчать на нужды современной жизни, и, тѣмъ самымъ, шире распространять въ мірѣ свое достояніе, свидѣтельствуя о живомъ Христѣ, святомъ главѣ человѣческой жизни.

Кончая, Архіепископъ указалъ на символическій смыслъ весенняго воскресенія древней земли, обработанной человѣческими руками, къ новой жизни въ обвѣтованіи новой надежды.

Въ краткомъ отвѣтѣ своемъ, Митрополитъ Евлогій подчеркнул значеніе работы церковнаго воссоединенія въ данный историческій моментъ гоненій на Церковь.

Митрополитъ Евлогій пробылъ на съѣздѣ два дня и присутствовалъ на всѣхъ богослуженіяхъ.

Чтобы правильно понять духовный обликъ конференціи и самый фактъ единенія православныхъ и англокатоликовъ, нужно понимать, что дѣло конференціи совершалось въ молитвѣ; ею вѣнчалось богомысліе; въ ней осуществлялось дѣло любви.

А. Карповъ.

Севръ, 14 іюня 1930 г.